
СОБЫТИЯ EVENTS

ВСПОМИНАЯ ФЕДОРА ЕФИМОВИЧА ВАСИЛЮКА

Е.В. ФИЛИППОВА

Очень трудно выбрать какие-то эпизоды, связанные с Федором Ефимовичем. Ведь мы прошли рядом все годы в Университете, со дня его открытия. А познакомились еще раньше, в 1987 году. Я тогда работала в Центре наук о человеке, и мы организовывали первую всесоюзную конференцию по изучению проблем человека. Конференция была грандиозная — все знаменитые люди должны были в ней участвовать, не только ученые (психологи, философы, биологи, медики), но и писатели, и режиссеры, и артисты. Мне кажется, не было ни одного громкого имени, которое не звучало бы на этой конференции. А мне хотелось пригласить какого-то нового человека — яркого, талантливого, но не столь знаменитого. И я в первую очередь подумала про Василюка. Мы с ним знакомы не были, но книгу его, конечно, я знала. Федор Ефимович работал тогда в психиатрической больнице под Симферополем, я отыскала его телефон, позвонила, пригласила на конференцию. Он как-то сразу, с готовностью откликнулся. Потом я неожиданно получила от него поздравительную открытку с Новым годом, очень теплую, неформальную. Ну а потом он приехал на конференцию, где мы уже познакомились живьем. А вскоре Федор Ефимович, благодаря Владимиру Петровичу Зинченко, переехал в Москву, как раз в Центр наук о человеке, где мы и стали с ним вместе работать, т. е. с 1988 года, а потом — 20 лет в МГППУ, значит,

Для цитаты:

Вспоминая Федора Ефимовича Василюка // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Т. 27. № 1. С. 165—175. doi: 10.17759/cpp.2019270111

в общей сложности тридцать с лишним лет, поэтому и трудно какие-то выделить эпизоды.

Федор Ефимович очень много значил для меня как друг, который в самые трудные минуты жизни был рядом. Я уж не говорю об Университете, здесь он поддерживал и помогал всегда. Он же определил и очень серьезный поворот в моей судьбе. Я ведь детский психолог, психолог развития, так я себя всегда идентифицировала, но Федор убедил меня заняться психотерапией, именно у него я начала учиться психотерапии. Мы вместе создавали концепцию кафедры детской и семейной психотерапии; его, кстати, всегда очень интересовала психотерапия с детьми, вообще работа с детьми. И в сложных случаях при работе с ребенком я всегда к нему обращалась.

Самое главное, что меня поражало в нем, кроме таланта, конечно, — это удивительное гармоничное сочетание двух противоположных качеств — с одной стороны, ответственность, серьезность, глубина, с другой — какая-то пушкинская легкость, игровое начало, говоря словами Наума Коржавина: «...пушкинская легкость, в которой тяжесть преодолена». Именно гармоничное сочетание, а не противоречие. Помню, как-то мы были в гостях у Федора и Оли — Алла Холмогорова, Виктор Зарецкий, Лена и Андрей Лавриновичи, Татьяна Постоева и я. Я уверена, что Алла Борисовна тоже это помнит. Зашел разговор об играх, вспоминали, во что мы играли в детстве. И Федор Ефимович стал рассказывать, как он с друзьями играл «в ножички». И он рассказывал об этом с таким упоением, с таким азартом, чертил какие-то схемы! Перед нами был настоящий мальчишка. Я в связи с этим вспоминаю Д. Винникотта, который считал, что психотерапевтом не может быть человек, который не умеет играть.

Вообще, Федор Ефимович очень любил привносить какие-то игровые моменты и в серьезные ситуации, строить «мизансцены». Он ведь всегда — для семинаров, для заседаний Ученого совета факультета — обязательно «выстраивал» пространство. Помню, два года назад нам с ним нужно было прочитать публичные лекции, и он предложил мне: «Давайте вместе». И вот уже время лекции приближается, а я все думаю: «Как же вместе? Мы же должны это как-то обсудить, о чем все-таки говорить». Я ему звоню время от времени: «Федя, о чем же мы будем говорить все-таки?» В конце концов, уже перед лекцией он мне говорит: «Главное, вы принесите ветку сирени, это очень важно, чтобы вы сидели с веткой сирени!». Я серьезно к этому не отнеслась, пришла без сирени, а он по-настоящему огорчился. Он, видимо, как-то зрительно представлял эту картину, эта ветка сирени была для него важна, она завершала гештальт. Думаю, в Федоре Ефимовиче жил внутренний режиссер. И, кстати, не только внутренний, вспомним его «Режиссерскую постановку симптома»...

И при этом игровом начале он бывал очень ответственным, серьезным, не только в том, что касается науки, но и в организационных вещах. Помню, однажды он не смог присутствовать на заседании Ученого совета Университета, а обсуждались вопросы работы кафедр. Обычно люди в таких случаях просто предупреждают, что не смогут прийти, и все. А Федор Ефимович написал длиннющее письмо Ученому совету (я его недавно случайно нашла в своих бумагах) на нескольких страницах, 12-м шрифтом, через один интервал. Письмо о том, как должны быть устроены кафедры, о роли кафедр в Университете. И это было так проработанно, так продуманно, хотя это был обычный, вроде бы проходной вопрос, но для него это было архиважно. Там, где ему важно, он действительно был чрезвычайно тщательным, скрупулезным, ответственным. С такой же тщательностью он писал и концепцию факультета.

Кстати, про Ученый совет. Федор Ефимович ведь там был не очень удобным человеком. Он далеко не всегда соглашался с большинством. Если ему важно было настоять на своей идее, он упорно, тихим голосом ее отстаивал. Иногда даже до конфликтов доходило. Во всем, что было для него значимо, он был очень последовательным, настойчивым и упрямым.

У Федора Ефимовича была идея создания в Университете «маленькой Швейцарии». Он хотел, чтобы факультет наш был как «маленькая Швейцария», чтобы все было предельно добротное, четко, точно и научно, и так далее. Видимо, для него образ Швейцарии был как знак качества, знак высокой пробы. И он не хотел с этой идеей расставаться. У него была надежда, что Университет, факультет в первую очередь, будут развиваться именно так — по пути качества, совершенствования. Думаю, он очень переживал, очень близко к сердцу принимал, когда что-то шло не так. По-моему, ближе, острее, чем мы все.

Хочется рассказать еще об одном дне, который я не просто помню, а буквально вижу! Это был день рождения Владимира Петровича Зинченко, 10 августа. Накануне вечером неожиданно позвонил Федя и сказал, что мы приглашены, завтра он заедет за мной, и мы поедем в Быково, на дачу к Владимиру Михайловичу Мунипову. Утром мы встретились и поехали. Нас было всего шесть человек — Владимир Петрович с женой, Натальей Дмитриевной, Владимир Михайлович, его жена Галина Георгиевна, Федор и я. Оля, Федина жена, заболела. Это был незабываемый день! Такой пир ума, остроумия, щедрости. Потрясающий дом и потрясающий сад, где каждый сантиметр был с любовью возделан Галиной Георгиевной, потрясающий августовский день, и вершина всего — три выдающихся психолога, три рыцаря науки — Владимир Петрович Зинченко, Владимир Михайлович Мунипов и Федор Ефимович Василюк!

С.М. МОРОЗОВ

Федор Ефимович Василюк — штучный продукт Бытия. Вы не представляете, насколько это был штучный продукт — Василюк. В моей жизни мне посчастливилось встретиться с двумя—тремя такими и уже не надеюсь встретить еще кого-то. Я действительно живу под впечатлением от личности Василюка. Очень странно говорить о Василюке в прошедшем времени. Часто мысленно разговариваю с ним, слышу его голос, вижу его улыбочивое лицо. Кстати, я редко встречал в своей жизни людей с таким отменным чувством юмора, как у Федора Ефимовича.

Все знают — с кем бы я ни разговаривал, — что Федор Ефимович был принципиальным человеком, безоглядно отстаивавшим интересы науки. Это избитые, затертые слова, но это было именно так! Некоторые соискатели научных степеней даже боялись давать свои диссертации на отзыв Федору Ефимовичу — ведь он скажет все! И диссертации-то были хорошие, но ведь защита, дело, можно сказать, всей жизни... Надо ведь, как принято: «соответствует всем квалификационным требованиям» и т. д. А от Федора Ефимовича всегда ждали, что он разберется в тексте и разберет его до мелочей. А в мелочах, как известно, скрывается тот, чье имя Федор Ефимович никогда не называл. Поэтому, может быть, лучше диссертацию дать на отзыв кому-то другому, кто не будет так дотошно относиться к своему делу.

Впрочем, все свои замечания, возражения, не только научного характера, Федор Ефимович высказывал неизменно в доброжелательной манере. Он просто не мыслил сделать что-то, что разрушило бы надежды другого человека. С 2004 г. в силу служебных обстоятельств я общался в Федором Ефимовичем практически каждый день, иногда по несколько часов подряд, и ни разу не слышал, чтобы он на кого-то повисил голос. Никогда, ни разу. Я сам довольно темпераментный человек. Хочется иногда сказать человеку все, что о нем думаешь. И в частных беседах Феде высказывал свое мнение открыто: «Что ты все миндальничаешь, сколько можно метать бисер перед этими ..., ведь придет время — съедят и не поперхнутся». Нет, надо все делать так, чтобы не обижать людей.

Не обижать людей. И при этом удивительное, потрясающее отстаивание своей точки зрения. Василюк — человек совершенно непреодолимый, абсолютно железобетонный. И его точка зрения была правильной — не потому, что он так считал, а потому что удивительным образом так и было. Он всегда исходил из того, как лучше для людей и для дела. Если кто-то с ним не соглашался, он готов был к компромиссам. Но только цель главная — как сделать, чтобы лучше было для дела: для факультета, для психологии, для конкретного человека. Делать нужно то, что правильно, а не то, что неправильно — такая простая житейская логика здравого смысла. «Будете вы со мной этим заниматься — хорошо,

нет — я пошел дальше делать дело». «Сверху» велют делать скорее? Нет, надо делать, но не скорее, а правильное. В этом весь Василюк. И все как-то за ним подтягивались, спокойно, добро, с чувством необходимости сделать должное.

Все это известные вещи, многие знают это. Но мне хотелось бы поделиться мыслями и о том, что сделал Федор Ефимович для меня лично — не как человека, а для меня как психолога. (Впрочем, отделить эти два понятия — «человек» и «психолог» — по отношению к себе мне сложно.) Я помню впечатление, которое произвела на меня его книга «Психология переживания», появившаяся в середине 80-х гг. прошлого века. Для меня она стала чем-то поистине революционным. Я не знаю, как она воспринимается сегодня, новыми читателями. Наверное, многие думают: «Ну, психология, ну, переживания, ну, подумаешь, так каждый может» (помните культовый сериал — «Шопена каждый может сыграть, а ты «Мурку» можешь?»). Но вы попробуйте перенестись мысленно в то время. Марксизм, марксизм, марксизм — ничего, кроме марксизма. Причем это был марксизм не по Марксу, а по учебникам, прошедшим тщательное редактирование в ЦК КПСС. Это был не марксизм, а марксизм в интерпретации советских чиновников, т. е. карикатура на Маркса. (Кто-то из известных философов XX века сказал: если бы Маркс узнал, что такое советский марксизм, он запретил бы называть себя марксистом).

Не будем забывать, что книги тогда появлялись достаточно редко. Это сегодня каждый день в мире появляется несколько психологических монографий. А тогда в СССР — одна—две в месяц. Поэтому каждая была перед глазами всего психологического сообщества. И вот — Ф.Е. Василюк, «Психология переживания». Первое, что бросилось мне в глаза — экий Федор Ефимович экзистенциалист (слово-то запрещенное в Советском Союзе). У него пере-, пере-живания, помните на обложке — ПЕРЕ отделено графически. Дефис напрашивается. Это такой экзистенциалистский заход («бытие-в», «направленность-на»). И вот вдруг — советский психолог Василюк! На меня это событие произвело странное и сильное впечатление, будто поток свежего воздуха, кислорода, какой-то кран вдруг открыли. Дело в том, что я и сам в те годы пытался читать Маркса, и он у меня превращался в экзистенциалиста, что выглядело странно (недопустимо) в глазах руководства факультета психологии МГУ, пришедшего после смерти А.Н. Леонтьева. И вот — революция! Василюк! «Психология пере-живания»! Сейчас это прикрыто туманом истории, все давным-давно утряслось, устоялось: какие революции, все давно знают, что Василюк — он Василюк и есть, а тогда это был внезапный взрыв.

И еще одно замечание, которое пришло ко мне не сразу, относительно недавно. Смотрите, что произошло в истории нашей психологии. Ведь идею переживания как единицы психологического анализа выска-

зал еще Л.С. Выготский. И много десятилетий А.Н. Леонтьев хранил эту мысль, не озвучивая ее. И вдруг доверил ее — да-да, доверил — «какому-то» аспиранту. Значит, разглядел Алексей Николаевич в Феде Василиюке что-то настолько серьезное, что позволит ему не сломаться, выстоять, пробить железные и бетонные стены, воздвигнутые вокруг имени Выготского в СССР. Нет, Выготский вовсе не тот марксист, каким его хотелось видеть многим. Выготский — гений, не обращающий внимания на —измы, не желающий из «десятка цитат из работ Маркса создать новую психологию». И это переворачивание психологии Алексей Николаевич доверил Феде, своему аспиранту. Впрочем, почитайте студенческие работы Василиюка, посвященные анализу теории И.П. Павлова. Они опубликованы в его книге «Методологический анализ в психологии». Работы блестящие! Такой аспирант справится.

И он справился. Справился блестяще... И отправлен работать в Симферополь. Кому он теперь припомнится — этот крымский докторишка... Прости им, Господи, их прегрешения (сказал бы Федор Ефимович). Воистину, они не ведали, что творят... И с кем имеют дело. Есть, ведь, и такие люди, которые живут с девизом «делай, что должно, и будь, что будет»! Эту фразу я неоднократно слышал от Федора Ефимовича. Так он жил. Я уверен, что известность и почитание учеников — не главное в его жизни. Наверное, ему все это было приятно, как и любому нормальному человеку. Но он просто-напросто имел другу цель — делать, что должно, ведь по-другому нельзя, невозможно.

Федор Ефимович Василиюк — добрый железобетонный человек. Совершенно потрясающая, непреодолимая точка зрения. Прислушается — да, с чем-то согласится, но не ломается. Его невозможно было согнуть. Может быть, это и плохо... Может быть, сломался? Но мне иногда кажется, что люди уходят от нас, когда мы им становимся неинтересны, становимся им скучны. Нам их, конечно, не хватает, но они слишком устали учить нас. И теперь Федя где-то там — далеко и высоко. Я, грешным делом, иногда подшучивал над ним: сколько у тебя ступенек в понимающей психотерапии, далеко ли до Олимпа? Он, конечно, отшучивался. А сегодня я легко могу представить его там — ведущим беседы с Платоном и Аристотелем, с Выготским и Роджерсом, с Леонтьевым и Пиаже... И добродушная хитринка в глазах. Плохо, что его нет. Господи, почему мы такие скучные?

Е.В. ШЕРЯГИНА

Одна короткая история. Для меня она символ последовательности и конгруэнтности у Федора Ефимовича, потому что часто бывает, что человек как терапевт одним образом поступает, а в жизни противополо-

ложным образом. Очень часто так бывает, и в этом нет ничего такого уж дурного; но у Федора Ефимовича было так интересно это устроено, что постулаты, которые были в практике, реализовывались и в обычной жизни. Вот забавный пример. Однажды нам выпускники подарили на свой выпускной аквариум с золотой рыбкай живой. Это было, конечно, совершеннейшее безумие! Что нам было с ней делать? И мы, поскольку не аквариумисты, кормили ее как-то, потом она начала худеть, мы искали лекарства, консультировались, меняли корм, одним словом, что-то пытались сделать, но месяца через два рыбка померла. Я пришла утром на работу, наша сотрудница переложила рыбку в свежую воду, и говорит мне: «Надо что-то делать, что-то решать». Я отвечаю: «Давайте подождем Федора Ефимовича». Ведь рыб обычно просто выливают в канализацию, что с ними делать, это все же не кошка, не собака, это все-таки рыба. И интересная была у Федора Ефимовича реакция, он сказал: «Надо ее похоронить, — тут такая пауза была, — все-таки у нас были с ней отношения». И Федор Ефимович похоронил эту рыбку под деревом, рядом с университетом. Взял лопату у охранника. Охранник был несколько шокирован всей этой историей. Для меня это была история последовательности Федора Ефимовича, как человека, который формулировал основы, как переживать горе, как все это устроено, и за этим стояло: «У нас были отношения». Нельзя вступить в отношения с каким-то существом, а потом его просто выбросить. Я не могу сказать, что вокруг этого события с рыбкай была многозначительная атмосфера скорби, или что-то похожее. Это было просто некоторое действие, в котором соблюдены были принципы, несмотря на некоторую комичность ситуации.

И вторая история — про дар. У Федора Ефимовича был такой дар, как часто говорят про учителей, — много дал, много вложил, научил. У него был такой редкий дар — дарить. И эти дары не всегда были нематериальными — да, он много дарил своего времени, опыта, знаний. Но иногда он дарил вещи. Это был такой очень интересный способ Федора Ефимовича поддерживать людей, помогать им. Потому что эти подарки имели эффект упаковки символических посланий. То есть он дарил какой-то маленький сувенирчик и сопровождал его текстом. Такой подарок имел, как в медицине говорят, пролонгированный эффект. Как-то Федор Ефимович рассказывал, еще очень давно, про свой «крымский период». Говорил, что были непростые переживания у него в то время. И была художница, местная, которая делала деревянные сувениры из можжевельника. У него был сувенир от нее, и Федор Ефимович рассказывал, что брал в руку этот подарок и чувствовал тепло, спокойствие от этого дерева. И когда я училась еще, получала второе образование по психотерапии, Федор Ефимович подарил мне керамическую корову с емкостью для скрепок, сувенир, и сказал: «Это для вашего диплома». Такого плана

были подарки, они всегда имели эффект устремленности в будущее. То есть Федор Ефимович связывал будущее с настоящим посредством этого предмета и таким образом культурно опредмечивал цель, если можно так сказать. Такой был эффект. У японцев есть способ достижения целей с помощью дарумы. Ставите цель, закрашиваете один глаз, дальше работаете, а дарума придает сил вам и вторым глазом намекает, что еще надо работать. Когда цель достигается, даруме закрашивают второй глаз. И в какой-то мере у Федора Ефимовича были сувениры, которыми он подкреплял будущую цель. Был такой эффект свернутой формы, упаковки послания в предмет. Это был его фирменный стиль, я больше такого не встречала. Хотя понятно, что когда любой подарок дарят, его сопровождают пожеланием. Но у Федора Ефимовича был этот момент очень интересный, в традициях культурно-исторической психологии. Он многим дарил такие подарочки, маленькие сувенирчики, и многие люди помнят эти вещи, они мне говорили об этом.

Т.Д. КАРЯГИНА

Наверное, многие расскажут, про то, как Федор Ефимович умел «дать имя»... Про его способность называть вещи. Да, у него, действительно, была редкая способность, талант называть вещи своими именами, в том смысле, что очень точно выражать суть какого-то процесса, явления. И это было настолько удивительно, что иногда люди даже специально ходили на занятия к Федору Ефимовичу, чтобы этой способностью — выразить суть чего-то — подзарядиться, заразиться от него. Потому что, конечно, это очень важная часть научной работы — четко выразить то, что ты хочешь сказать. И аспиранты факультета, да и я сама себя ловила на том, что вот сходишь к нему на лекцию, на семинар или мастер-класс, пусть не касающиеся твоей темы совсем, но вот так: раз — и чувствуешь, как ты немножко приобщился к этой способности.

Хорошо помню, как в моей диссертации я пыталась сформулировать, выразить мысль о том, какова предельная цель эмпатии, как она видится в психотерапии, философии. Все концепции, естественно, подчеркивают важную гуманистическую роль эмпатии, что она прямо помогает другому человеку, мотивирует человека на помощь другому, подтверждает важность человека и т. д. Я очень долго искала, как это назвать одним словом: гуманистические ценности, или как-то еще. В итоге перечисляла только. Когда зашел разговор об этом с Федором Ефимовичем, он сходу сказал: «Исцеляющее соучастие». Это было настолько точно, емко и поэтично! Вообще, такой его язык, часто поэтический; его метафоры, отсылки к произведениям искусства — это все, конечно, тоже запускало творческое мышление, когда ты находился вместе с ним в одном процессе.

Когда я готовилась к защите диссертации и писала текст выступления, я ему отправляла варианты, а он мне отвечал: «Да, все хорошо, но мало драматизма». Мало драматизма — не проблематизации, но именно драматизма: такой экспрессивный аспект — выразить эту проблематизацию более выпукло, ярко. Я понимала, что он имеет в виду, и где-то уже посреди ночи, отчаявшись этот драматизм добавить в обычной форме, я написала ему сценарий драмы на три действия. Первое — как эмпатия родилась в добропорядочной семье немецкой классической философии; второе — она в подростковом возрасте, когда семья от нее отказалась, и она была подхвачена психоанализом; и в третьем действии от брака эмпатии с психоанализом родилась гуманистическая психотерапия. Отправила, и тут же от Федора Ефимовича, глубокой ночью, пришел ответ: «Может быть, с этим и выступить на защите? Именно в таком ключе и сделать доклад?». Был у него такой авантюризм, в хорошем смысле, и любовь к нестандартным решениям.

Конечно, хорошо, что мы этого не сделали в итоге, а пошли классическим путем, но такое отношение творческое очень подстегивало мысль, и теперь я сама часто эту пьесу пересказываю студентам — действительно, помогает изложить историю понятия «эмпатия». Это такое обострение твоих собственных творческих способностей в поле, которое создавалось взаимодействием с ним.

То есть он мотивировал всегда, заряжал, заряжали и те задачи, которые он ставил, всегда высокие, всегда необычные, неординарные. Чтобы не довольствоваться малым. И сам способ его мышления, стиль деятельности тоже всегда мотивировали.

В.К. ЗАРЕЦКИЙ

Поскольку мы с Федором Ефимовичем знакомы с 76-го года, конечно, историй разных интересных очень много. Сейчас, на конференции, я увидел книгу «Психотехника переживания», на которую собирали деньги, чтобы переиздать. Но кого я ни спрашивал, ни один человек не смог рассказать историю этой книги. Поэтому, давайте я вам расскажу историю этой книги, совсем мало кому она известна.

Когда мы познакомились с Федором Ефимовичем, то как-то сразу решили, что мы занимаемся очень разными вещами. Я занимался мышлением, Федор Ефимович переживанием. Мы решили, что наши интересы довольно далеки друг от друга, и довольно долго общались, практически не обсуждая каких-либо психологических проблем. Потом он защитил диссертацию и написал книгу. Подарил экземпляр нам с Аллой Борисовной, привез прямо из издательства, мы были одни из первых, кому он подарил, написав: «От старого друга», в 84-м году это было. Я почи-

тал книжку, и спросил: «А как, интересно, ты изучаешь творческие переживания?». Он ответил: «Я даю творческие задания». На что я сказал: «Прошу прощения, творческими задачами я занимаюсь 10 лет и защитил диссертацию о динамике мышления при решении творческих задач». И тогда мы поняли, что у нас есть общий предмет для обсуждения, потому что Федор Ефимович, изучая переживание, дает творческие задачи, а я, изучая мышление, рассматриваю личностный уровень мышления как переживания в проблемной ситуации, уже не связанные с содержанием, а вызванные самим затруднением. И появилось у Федора Ефимовича желание более глубоко познакомиться с нашей практикой, я предложил ему в качестве испытуемого порешать задачи. Нашлась задача, которую он не знал. Он решал у меня дома, это было в конце марта 87-го года. И решал он ее полтора часа, не решил, оказался в очень затруднительной ситуации и попросил помочь. Помогать мы не умели, 87-й год, никто не знал, как помогать при решении творческой задачи. И он предложил подсказать. Но подсказывать не интересно, потому что это меняет творческий процесс. Я вел протокол решения этой задачи, и протокол занял 37 страниц. В итоге все-таки какая-то помощь там была, потом выяснилось, что была микро-подсказка, и Федор Ефимович решил задачу. Ему это ужасно понравилось, мне тоже понравилось, в ту же ночь я доработал протокол, распечатал, проанализировал и написал комментарии к процессу. А на следующий день я его ему подарил. Потому что он был тогда в Симферополе, он уезжал, и мы года на три расстались.

После был создан гуманитарный фонд имени Пушкина, творческое объединение архитекторов, художников, литераторов. «Архив» оно называлось, и мне предложили создать заочную программу практической психологии творчества. Это было очень актуально, потому что в стране было много проблем, люди их постоянно решали, а творчество это основной процесс, который нужен для решения проблемы. Я согласился. Правда, я сказал, что, как мне кажется, корень всех проблем — тоталитарное сознание, свойственное подавляющему большинству населения нашей страны. Я думаю, что нужно создать творческий процесс, творческую деятельность, в которой будет происходить изменение этих стереотипов, т. е., люди будут сталкиваться в творческой деятельности с необходимостью менять стереотип, и тогда они как-то изменятся. Но поскольку было понятно, что это очень сложная проблема, мы решили в психотехнической части организовать практическую работу с собственными чувствами, собственным мышлением, собственным переживанием. Я заказал три брошюры — одну себе, которая называлась «Если ситуация кажется неразрешимой, или работа с творческим мышлением»; вторую Николаю Петрову, он написал специальную брошюру «Аутогенная тренировка»; а Федору Ефимовичу я заказал книгу про то, как рабо-

тать с переживанием. И первая книга, еще до появления понимающей психотерапии, была написана им в 90-м году и называлась она «Психотехника переживания». Они, эти брошюры, были изданы тиражом 5 тысяч экземпляров. На наш курс, после рекламы в книжном обозрении, в 90-м году пришло 3 тысячи заявок. Нам пришлось разработать компьютерную программу для обработки теста и для отсева, и для снятия такого фона: с кем мы имеем дело. У нас были люди со всего СССР из всех республик, очень разного статуса, начиная от заместителя министра Казахстана, продолжая пожарным из боевого расчета Крымской области, заканчивая юристом из Приморья... Очень разные люди. И несколько десятков человек из этих трех тысяч попали на тренинг. Но началась инфляция, рассыпался Советский Союз, в 91-м году на деньги, что люди заплатили, можно было купить конверт, максимум. Но, тем не менее, несколько десятков людей прошли все шесть заданий, а задания они делали так: они прочитывали книжку и работали со своей конкретной проблемной ситуацией — либо в плане мышления, либо в плане переживания. Так что есть материал о том, как люди пользовались этой книжкой, работали, как они переживали. Фактически, это была психотехническая работа с травматическими событиями прошлого.

Потом уже, спустя много лет, Федор Ефимович пригласил меня работать в этот институт, который тогда назывался Московский городской психолого-педагогический институт, и продолжить тему, которую в 87-м году мы не смогли закончить — как помочь человеку решать творческую задачу. Предложили эту проблему решать Анне Николаевне Молостовой, и эта тема стала темой ее диссертации, в 2010 году она ее защитила. Так что прошло 23 года и мы совместно ответили на вопрос, как помогать. Вот такая история. Меня утешает то, что у Флавелла в книге о Пиаже описано, что он задал вопрос в начале 20-х годов, а ответ получил в середине 50-х, так что, видимо, это в науке нормальное дело.

Серию интервью провели и записали студенты факультета
консультативной и клинической психологии МГППУ —
Татьяна Манухина и Михаил Горчилин.

REMEMBERING FYODOR EFIMOVICH VASILYUK

For citation:

Remembering Fyodor Efimovich Vasilyuk. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya [Counseling Psychology and Psychotherapy]*, 2019. Vol. 27, no. 1, pp. 165—175. doi: 10.17759/cpp.2019270111. (In Russ., abstr. in Engl.).